

надежды, вера и противоречия отображают душевное состояние *хаотического* (подчеркнуто нами — М. Н.) русского общества, которое все еще искало путей и убежищ»¹. О Тургеневе же говорит, что он «среди русских писателей наиболее европейский. Может быть даже единственный по-настоящему европейский русский писатель. Все другие писатели, от Толстого до Горького, в большей или меньшей мере являются москвичами»². Несомненно последний эпитет определяет мессианиззм, господствовавший в России в XIX веке. Поэтому, отталкиваясь от этого положения, он определяет, и в чем именно Горький следует за «своими великими предшественниками» — Толстым и Достоевским, часто находя «истинно человеческое в мятущихся душах подонков человечества», а также, чем он от них отличается: в то время, как первые пропагандировали «евангелический романтизм», по терминологии Ибрэиляну, душа реалиста Горького «была столь же глубоко моральной, как и его предшественников, и отсюда евангелический характер его реализма»³. Аналогичного содержания довольно частые ссылки на Достоевского, хотя этому писателю Ибрэиляну не посвятил ни одной специальной статьи. В *Воспроизведении жизни*⁴ в свзя и с тем, как личность (и мировоззрение) каждого писателя налагает отпечаток на его творчество, о Достоевском говорится, что для него характерна «религия страдания и отвращение к нормальному»⁵, и далее, что «Достоевский избирает конфликты, в которых нормальный индивидуум торжествует благодаря своей тупости над аномальными («Идиот»)»⁶.

Другой характерной чертой русской литературы, по мнению Ибрэиляну, является ее своеобразный реализм — насыщенный и приподнятый. Известно, что терминология румынского критика, касающаяся проблемы реализма, неустойчива. Он иногда восстает против реализма, понимания под последним литературу, которая ограничивается копированием жизни⁷. В других выдержках он, однако явно поддерживает реалистическую тенденцию, трактуя ее как стремление писателя приблизиться к повседневности. В этом смысле и интерпретируется в дальнейшем русский реализм, особенно, когда писатель проводит сравнения с другими литературами. О Толстом, например, говорится, что величие его романов определяется тем фактом, что в них «люди представляют, как и природа, смесь добра и зла... в них редки исключительные личности, в которых одно качество осязующе преобладало бы над другим». Ничего исключительного не содержат и сюжеты романов. «Это качество

¹ *Цитир. статья*, стр. 293.

² В *Ape de primăvară* — рецензии, опубликованной в «*Viața Românească*», 1910, № 8 (*Pagini alese*, vol. I, стр. 222). Оценка включена и в очерк *Turgheniev* (*Pe marginea cărților*); «*Viața Românească*», 1920, nr. 2, стр. 284—285.

³ *Pagini alese*, том II, стр. 44.

⁴ «*Viața Românească*», 1906, nr. 5.

⁵ *Pagini alese*, том I, стр. 148.

⁶ *Там же*, стр. 150.

⁷ В томе *Studii literare* (Бухарест, 1957) составитель утверждает, что в этих выдержках Ибрэиляну вкладывает в понятие *реализм* содержание, аналогичное сегодняшнему понятию натурализма, что мне кажется не вполне точным. Ибрэиляну отвергает не только литературу человеческого падения и порнографию, но любую другую литературу, лишенную высокой концепции о жизни. «Мастер, — говорит писатель, — не копирует действительность, а реализует свою концепцию о действительности».